

doi:10.17746/2658-6193.2025.31.0481-0486

УДК 902.2, 902.6

Е.С. Богданов¹✉, А.А. Пайзерова¹, В.А. Соколовский^{1, 2}

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

²Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

Раскопки тагарского кургана на правом берегу Енисея в 2025 году

В статье приведены результаты раскопок кургана, находящегося в аварийном состоянии в зоне затопления Красноярского водохранилища, в 2025 г. Приведены все особенности погребального обряда, характерного для подгорновского этапа тагарской культуры. Внутри каменной ограды из плит девонского песчаника было исследовано три одиночных захоронения. Впервые для этого региона зафиксировано устройство надмогильной каменно-земляной конструкции в виде «платформы». Несмотря на то, что захоронения были ограблены в древности, удалось получить представительную коллекцию артефактов, взять образцы для палеогенетического и дендрохронологического анализов. С точки зрения датировки, особенно важен не только погребальный обряд, но и найденный комплекс наконечников стрел и керамической посуды. В грунтовых ямах установлены 8- и 4-венцовые срубы с креплением в обло. Около каждого погребенного в могилу укладывался большой и малый керамический сосуды и куски туш крупного и мелкого рогатого скота в виде заупокойной пищи. Все горшки стандартизированы по форме и орнаменту. Набор стрел из закрытого комплекса позволил четко выявить хронологические аспекты и культурные доминанты. Полные аналогии прослеживаются в аржанских и приаральских погребальных комплексах. Сравнительно-типологический анализ втульчатых стрел позволяет отнести кург. 4 могильника Анаш-10 к периоду VIII–VII вв. до н.э. Очень важным артефактом является колчанная застежка, аналогов которой в регионе неизвестно. Данный факт свидетельствует о широте культурных контактов населения, проживавшего на правом берегу р. Енисей.

Ключевые слова: Енисей, Красноярское водохранилище, тагарская культура, каменная ограда, погребальный обряд, наконечники стрел, хроноиндикаторы.

E.S. Bogdanov¹✉, A.A. Paizerova¹, V.A. Sokolovsky^{1, 2}

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia

²Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

Excavations at a Burial Mound of the Tagar Culture on the Right Bank of the Yenisei River in 2025

This article discusses the results of archaeological excavations in 2025 at a burial mound in the critical condition from the flood zone of the Krasnoyarsk Reservoir. The findings provide insight into the funeral practices of the Podgornovo period of the Tagar culture. Three single burials were discovered in the stone enclosure made of Devonian sandstone slabs. This is the first recorded instance of the stone-earthen platform-like structure over burials in this region. Despite ancient robberies, a representative collection of artifacts was recovered; samples were taken for paleogenetic and dendrochronological analysis. Not only the funeral rite, but also the arrowhead collection and pottery were important for dating. Eight- and four-layered cribworks were set in the soil pits. Large and small ceramic vessels as well as pieces of large and small cattle carcasses were placed into the grave next to each buried person as funeral food. All pots were standardized in shape and ornamentation. A set of arrows from the closed complex has made it possible to clearly identify the chronological aspects and cultural dominances. Complete parallels can be seen in the Arzhan and Aral Sea burial complexes. Comparative typological analysis of the arrow shafts has made it possible to date burial mound No. 4 at the Anash-10 burial ground to the 8th–7th centuries BC. A very important and unique artifact was the quiver clasp which had no parallels in the region, indicating broad cultural contacts of the population living on the right bank of the Yenisei River.

Keywords: Yenisei River, Krasnoyarsk Reservoir, Tagar culture, stone fence, funeral rite, arrowheads, chronological indicators.

Введение

В 2025 г. при поддержке Фонда «История Отечества» отрядом ИАЭТ СО РАН были проведены раскопки тагарского кургана, находящегося на правом берегу Красноярского водохранилища в Новоселовском р-не Красноярского края. В результате водной и ветровой эрозии активно разрушается терраса, на которой расположен объект археологического наследия (ОАН) федерального значения «Могильник курганный Анаш-10 (18 курганов). Изваяние-1». С момента постановки на учет и охрану А.Л. Заикой в 1992 г. пять курганов оказались полностью уничтожены Енисеем, и только три сохранились *in situ* на ровной террасовидной поверхности, отведенной в настоящее время под сенокос. Они слабо выделяются высотно вследствие распашки. От остальных объектов сохранились лишь отдельные камни оград и плиты перекрытий, растищенные водной стихией на многие десятки метров друг от друга. Особые опасения вызывал кург. 4 на обрыве террасы, у которого уже обрушилось больше половины камней ограды и одно из погребений. Неразмытый край ОАН располагается всего в 50–70 м (по состоянию на июль 2025 г.) от уреза воды. Общее состояние объекта нами было оценено как аварийное, поэтому было принято решение о его раскопках.

Особенности погребального обряда и предметные комплексы

Основу кург. 4 составляла каменная ограда, сооруженная из вертикально вкопанных тонких плит розового девонского песчаника. Она имела в плане прямоугольную форму с ориентацией длинной стороной по линии север–юг с небольшим отклонением к западу (рис. 1). Размеры ограды: 9 × 12–14 м. Высота стенок ограды (плит) над древней поверхностью составляла не более 0,5 м. Они были врыты в землю на глубину от 0,2 до 0,3 м. По углам установлены крупные камни-блоки высотой до 1 м. *In situ* в вертикальном состоянии сохранился только юго-восточный камень, северо-восточный отсутствовал, остальные лежали в поваленном и разрушенном состоянии. Изначально все плиты ограды устанавливались внахлест с подбором по размерности так, чтобы верхний край шел одной ровной линией. Некоторые плиты и угловые камни подклинивались в основании мелким плитняком. Интересно, что все сохранившиеся в вертикальном положении плиты имели наклон внутрь ограды, что свидетельствует о сравнительно небольшом давлении земли во внешние стороны. Восточная стенка ограды имела вогнутые в плане очертания, у западной по центру сохранилось основание вкопанной перпендикулярно основной линии крупной плиты. Либо она «делила» внутреннее пространство кургана на два отдельных «отсека» (как часто бывает у подгорновских

памятников при наличии нескольких погребальных конструкций), либо это остатки изначальной северной стенки квадратной ограды, которую спустя какое-то время расширили для устройства дополнительного захоронения. Поскольку большая часть плит оказалась повалена, разломана и сильно смешена относительно своих первоначальных положений на момент раскопок, мы можем только высказывать предположения.

Очень важную информацию по конструктивным особенностям погребального комплекса дал анализ стратиграфической ситуации. Оказалось, что «тело» кургана складывалось из «вальков» (блоков дерна с запесоченным материковым грунтом). Об этом свидетельствовала явная пятнистость на разрезах, определяющая размерность таких «кусков». Таким образом, все факты свидетельствуют о том, что грунтовое возышение строителями кургана было сформировано внутри каменной ограды, вплоть до верхней кромки камней, образовав своеобразную «платформу». По прошествии времени, произошло разрушение ограды и оплыивание земляной конструкции с захватом «пустого» пространства за курганом. Поскольку вертикально поставленные камни ограды мешали распашке в Новое время, то вся площадь кургана оказалась выше окружающей поверхности террасы, сформировав современный облик объекта.

Внутри ограды кургана было защищено три надмогильных сооружения, расположенных в ряд (по линии север–юг), из которых только одно, южное оказалось не затронуто современной эрозией, обрывом (рис. 1, 1). Все постройки сооружались по одной технологии. Могильную яму с запасом закрывали по линии запад–восток двумя крупными песчаниковыми плитами толщиной до 10 см (рис. 1, 2). По месту их соединения производилась закладка плитняком. После этого сверху разноразмерные плиты размещались друг на друга в 3–5 ярусов таким образом, чтобы верхняя часть представляла собой «панцирь» на одном уровне. Получалась надмогильная конструкция размерами примерно 3 × 8 м и высотой не более 0,5 м, что соответствовало верхней кромке установленных плит ограды. Из-за ограбления (грабители проникли в каждое захоронение под плитами сбоку) стены двух могильных ям в песчаном грунте оказались разрушены, каменное перекрытие просело, частично уничтожив внутренние погребальные конструкции.

От северного погребального комплекса на месте остались только плиты перекрытия, под которыми были выявлены бессистемно лежащие в песчаном обнажении разрозненные кости коровы и овцы, обломки костей скелета взрослого человека, фрагменты от двух керамических сосудов (один удалось собрать в целую форму), бронзовая колчанная застежка в виде полумесяца и набор из втульчатых наконечников стрел (рис. 2, 1, 6–13, 16): два костяных – двухлопастной со срезанным ребром и четырехгранный с острой головкой (рис. 2, 12, 13); шесть выполнены из

сплава на основе меди, имеют разную длину и форму пера (рис. 2, 6–11). По типологии К.В. Чугунова [2000] это двухлопастной ромбовидный с прямым основанием, четырехгранный-четырехлопастной с опущенными жальцами, двухлопастной ромбовидный, двухлопастной ромбовидный скругленный с отверстием на основании, ланцетовидный уплощенный с деформацией (след от удара), четырехгранный-четырехлопастной ланцетовидный. На трех изделиях присутствует брак литья, а в четырех – сохранились остатки древка*.

Внутримогильная конструкция центрального захоронения представлена частично разрушенным 8-венцовым деревянным срубом из бревен диаметром 8–10 см, сложенным в обло. *In situ* сохранились только кости ног и левой руки человека. Остальные части скелета были смещены и располагались двумя скоплениями у южной и западной стенки сруба, ближе к углу. Судя по всему, мужчину изначально уложили вытянуто на спину, головой на запад, стопы и руки были вытянуты. В юго-восточном углу сруба стоял керамический плоскодонный неорнаментированный сосуд баночной формы без верхней части (рис. 2, 5). Рядом с ним *in situ* лежали передние кости ног овцы. Еще одна кость от ноги овцы зафиксирована около южной стенки сруба в небольшом отдалении. Слева от левой стопы мужчины у северной стенки сруба *in situ* лежали остатки мясной заупокойной пищи: в скоплении кости овцы и коровы. Вдоль левой кисти мужчины обнаружен сегмент грудины коровы. Вдоль бедренной кости мужчины, с внутренней стороны, лежал бронзовый предмет неизвестного назначения вотивных размеров (рис. 2, 18). Еще один керамический горшок (рис. 2, 2) стоял в северо-западном углу. При разборе скопления костей скелета мужчины обнаружены две медные полушарные бляшки (одна из которых была с позолотой; рис. 2, 14, 15), обрывки золотой фольги (плакировка ручки чекана?) и бронзовый вток с насечками (рис. 2, 17). Судя по сохранившемуся следу на черепе мужчины, одна из бляшек точно располагалась на затылочной части.

От внутримогильной конструкции южного захоронения сохранились лишь фрагменты четырехвенцового сруба. В нем изначально головой на запад и вытянуто на спине захоронили женщину. *In situ* сохранились только берцовые кости ног и стопы. Остальные части скелета были смещены грабителями и располагались скоплением у западной стенки могильной ямы. В юго-восточном углу сруба стоял керамический плоскодонный неорнаментированный сосуд баночной формы (рис. 2, 3). Слева от левой стопы женщины, в северо-восточном углу сруба лежали *in situ* остатки заупокойной пищи: на костях *Ovis Capra* лежали кости коровы. Еще один керамический

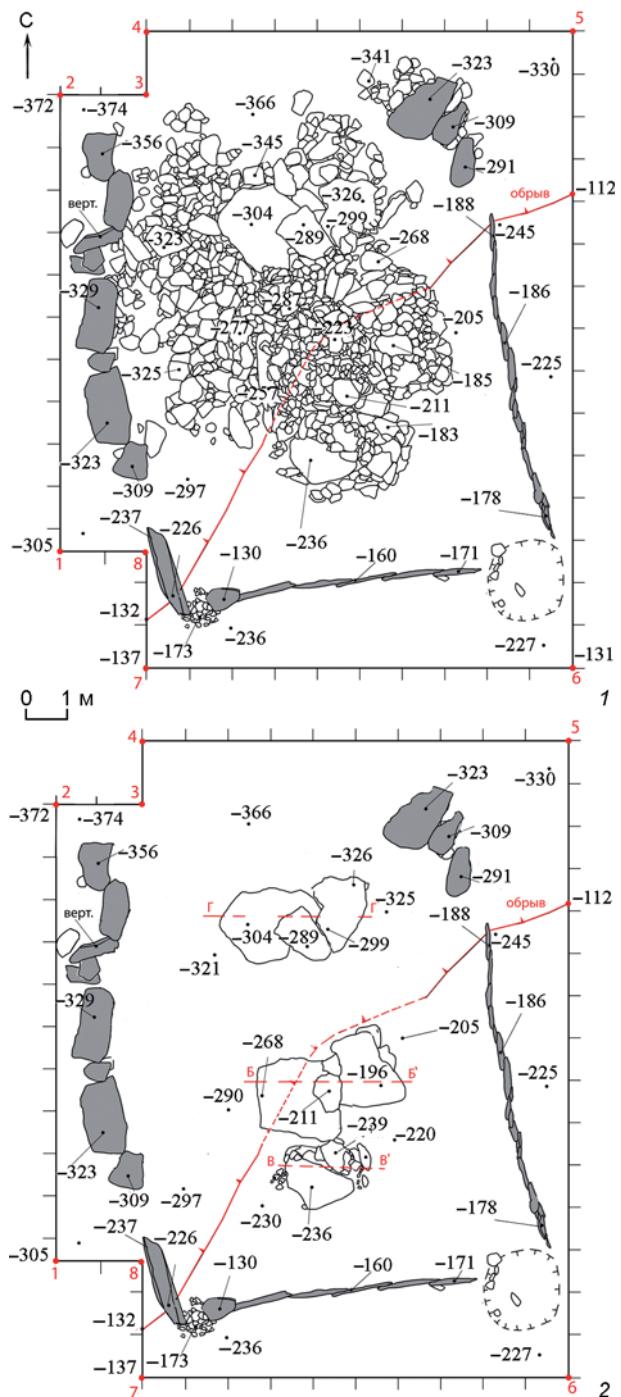
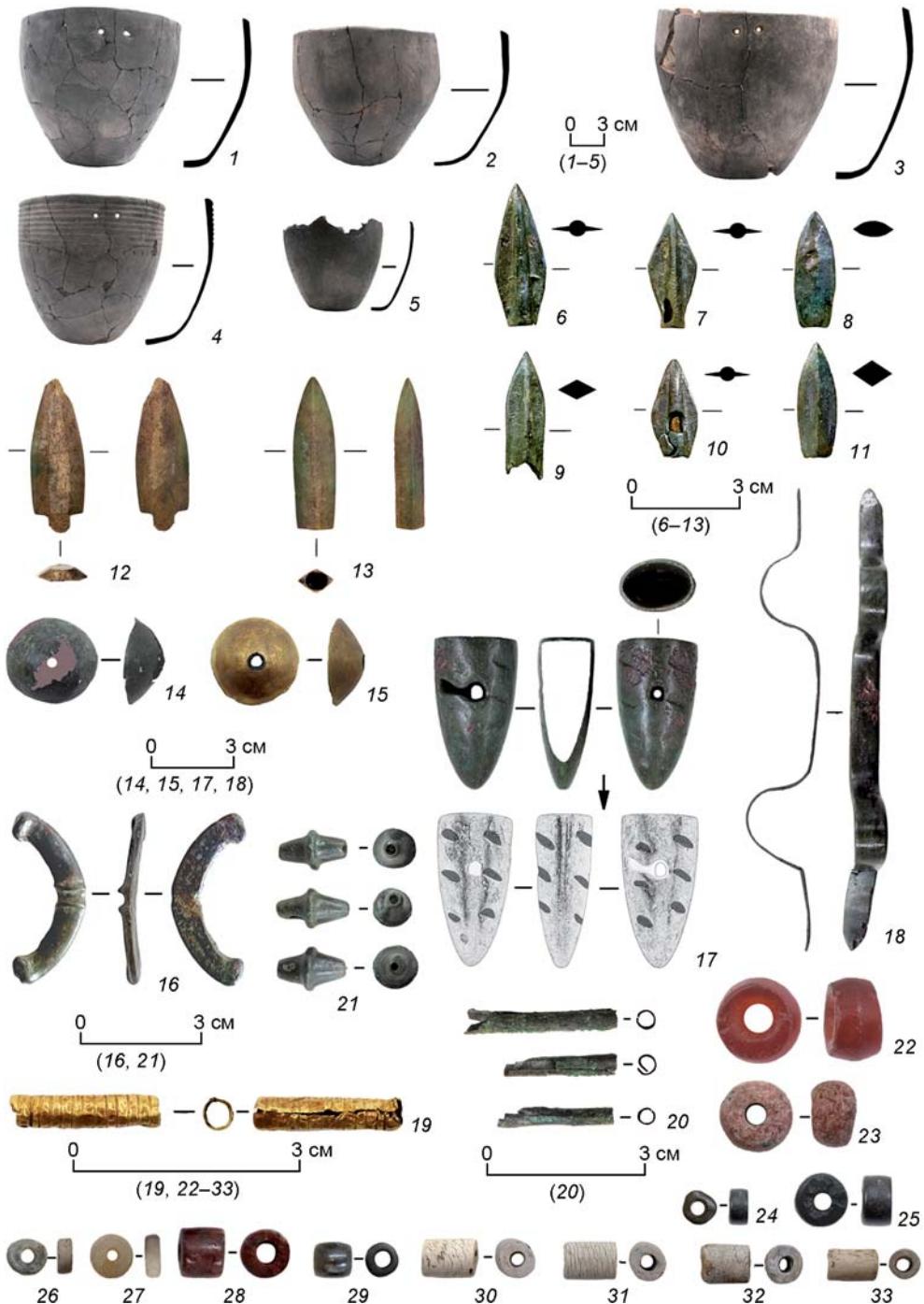

Рис. 1. Могильник Анаш-10, кург. 4.

1 – план ограды с наземной каменной конструкцией; 2 – план ограды с плитами надмогильных перекрытий.

горшок с орнаментацией продавленными полосами по венчику (рис. 2, 4), по всей видимости, стоял в северо-западном углу (*in situ* сохранилась его придонная часть). Остальные фрагменты сосуда найдены среди костей скелета женщины у стенок могильной ямы. Там же обнаружены не в связке детали украшения (амулетной подвески?): подвеска из клыка животного, четыре пронизки-трубочки (золотая с тисненым орнаментом), три усеченно-конические пронизи,

* Результаты ксилотомического анализа древков стрел представлены в отдельной статье в данном сборнике.

Rис. 2. Могильник Анаш-10, кург. 4. Погребальный инвентарь.

1–5 – керамические сосуды; 6–11 – бронзовые наконечники стрел; 12, 13 – костяные наконечники стрел; 14–15 – медные полушарные бляшки; 16 – бронзовая колчанная застежка; 17 – бронзовый вток чекана; 18 – бронзовый предмет неизвестного назначения; 19 – золотая пронизка; 20, 21 – медные пронизки; 22–33 – каменные бусины.

12 каменных бусин (рис. 2, 19–33). Нужно отметить, что следов деревянного пола или органической подстилки на дне могильных ям обнаружено не было.

Заключение

На фоне гигантского объема данных по результатам исследований тагарских курганов, изученный

нами в 2025 г. на правом берегу Енисея, погребальный комплекс выделяется рядом особенностей как в погребальном обряде, так и в инвентаре, причем именно среди хорошо атрибутированных подгорновских комплексов.

В первую очередь, необходимо сказать о парадигме погребального сооружения. Речь идет о пространственной схеме, строительных приемах и архитектур-

ных традициях. По типологии А.Г. Акулова и Е.Д. Паульса [2008] кург. 4 памятника Анаш-10 относится к «ступени А (архаической)» вследствие наличия подпрямоугольной ограды с четырьмя вертикально установленными массивными камнями по углам и без оформленного прохода. Такие «классические» четырехкаменные курганы входят в состав многих могильников на территории Минусинских котловин в долинах рек, притоков Енисея [Завитухина, 1979, с. 40–45; Вадецкая, 1986, с. 79–81; Александров, Паульс, Подольский, 2001, с. 36–37; Максименков, 2003, с. 22–35; Савинов, 2012, с. 12–14]. Большинство исследователей либо вообще обходят вопрос о наличии какого-либо земляного наземного сооружения внутри ограды, либо фиксируют «еле заметные земляные насыпи», «всхолмления», не вдаваясь особо в подробности. Между тем наличие каменно-земляной «платформы» у анашского кургана позволяет внести свои корректизы в до сих пор неутешающую дискуссию о монгун-тайгинских, казахстанско-среднеазиатских импульсах при формировании подгорновских (биджинских) памятников на Енисее. Хотя в этом смысле наши материалы имеют интересные сопоставления с «курганными земляными насыпями лесостепной тагарской культуры» [Мартынов, 1979, с. 15–17].

На фоне довольно архаичного облика ограды (отсутствие простеночных камней) центральное захоронение исследованного нами кургана на правом берегу р. Енисей имеет 8-венцовый сруб, что довольно необычно. Чаще всего в подгорновских могилах фиксируется не более четырех венцов в срубе или каменные ящики. Поскольку на данном этапе исследования радиоуглеродные даты еще не получены, а остальные особенности погребального обряда не выбиваются из стандартных характеристик (характер установки плит в ограде, ориентация и положение погребенных, наличие обильной мясной заупокойной пищи и ее месторасположение, установка крупных керамических сосудов по углам могилы), то культурно-хронологические привязки может дать погребальный инвентарь. Сразу отметим, что из всего комплекса выбивается колчанная застежка (рис. 2, 16), аналогов которой мы в опубликованных тагарских материалах не нашли.

Комплекс керамической посуды (крупные горшки с широким устьем и кососрезанным венчиком, с орнаментом в виде горизонтальных вдавленных полос и без орнамента) является ярким маркером именно ранней фазы подгорновского этапа [Подольский, 1980, с. 127–130]. Явных аналогий так много, что нет нужды приводить здесь сноски на конкретные памятники (см., напр.: [Завитухина, 1979, рис. 28]). А вот с наконечниками стрел не все так однозначно. Во-первых, достаточно редко находят настолько внушительный по количеству набор, причем только втульчатых форм. Как нам представляется, именно наборы стрел из закрытых комплексов способны четко выявлять хронологические аспекты и культурные

доминанты. Это тема отдельной работы, поэтому отметим лишь, что если по отдельности каждому наконечнику можно найти аналогии в различных погребальных комплексах хакасско-минусинских степей, то целиком набор (за исключением костяных изделий) представлен в могилах Аржана-2 [Чугунов, 2024, с. 295–297] и в приаральских материалах Тагискена и Уйгарака [Итина, 1992, табл. 4, 1]. Костяные наконечники, аналогичные нашим, достаточно типичны для ранних подгорновских комплексов (см., напр., мог. Есино XVII [Савинов, 2012, фото 25, 3]). Учитывая предпринятый К.В. Чугуновым подробный сравнительно-типологический разбор всех известных на сегодняшний момент наборов втульчатых стрел со всей территории Центральной Азии [Чугунов, 2024, с. 300–308], мы можем отнести анашские наконечники к периоду VIII–VII вв. до н.э. и соответственно также предварительно датировать весь кург. 4 могильника Анаш-10 этим временем. Не противоречат этому утверждению и вток от чекана (также аналогичный аржанским формам), и различные украшения (полушарные бляшки, пронизи, формы каменных бусин).

Благодарности

Археологические исследования в 2025 г. проводились при поддержке фонда «История Отечества» (договор № 70-2025-000255 от 13.05.2025) в рамках молодежной полевой школы «Древности Саяно-Алтая».

Культурно-хронологическая атрибуция и интерпретация материалов выполнены в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2025-0001 «Сибирь и сопредельные территории: изучение и реконструкции историко-культурного прошлого».

Список литературы

Акулов А.Г., Паульс Е.Д. К изучению тагарской курганной архитектуры // Труды II (XVIII) Всерос. археол. съезда. – Сузdal: Изд-во ИА РАН, 2008. – Т. II. – С. 5–8.

Александров С.В., Паульс Е.Д., Подольский М.Л. Древности Аскизского района Хакасии. – СПб.: [б.и.], 2001. – 100 с.

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 180 с.

Завитухина М.П. Подгорновский этап // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 40–53.

Итина М.А. Ранние саки Приаралья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 31–46. – (Археология СССР; т. 10).

Максименков Г.Д. Материалы по ранней истории тагарской культуры. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. – 192 с.

Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. – Новосибирск: Наука, 1979. – 208 с.

Подольский М.Л. Местные и инородные элементы ранней тагарской культуры // Скифо-сибирское культурно-историческое единство: мат-лы 1-й всесоюз. археол. конф.– Кемерово: Изд-во Кемер. гос. ун-та. 1980. – С. 126–134.

Савинов Д.Г. Памятники тагарской культуры Могильной степи (по результатам археологических исследований 1986–1989 гг.). – СПб.: ЭлекСис, 2012. – 180 с.

Чугунов К.В. Аржан-2: погребально-поминальный комплекс в тувинской «долине царей». – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2024. – 516 с.

Чугунов К.В. Бронзовые наконечники стрел скифского времени Тувы // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура: сб. ст. к 60-летию М.Л. Подольского. – СПб.: 2000. – С. 213–238.

References

Akulov A.G., Pauls Y.D. K izucheniyu tagarskoy kurgannoy arkitektury. In *Trudy II (XVIII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'yezda. Suzdal'*: IA RAS Publ., 2008. Vol. 2. P. 5–8. (In Russ.).

Aleksandrov S.V., Pauls Y.D., Podolskij M.L. Drevnosti Askizskogo raiona Hakasii. St. Petersburg: [s.n.], 2001. 100 p. (In Russ.).

Chugunov K.V. Arzhан-2: pogrebal'no-pominal'nyy kompleks v tuvinskoy “doline tsarey”. St. Petersburg: Hermitage Publ., 2024. 516 p. (In Russ.).

Chugunov K.V. Bronzovye nakonechniki strel skifskogo vremeni Tuvy. In *Mirovozzreniye. Arkheologiya. Ritual. Kul'tura*. St. Petersburg, 2000. P. 213–238. (In Russ.).

Itina M.A. Ranniye saki Priaral'ya. In *Stepnaya polosa Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya*. Moscow: Nauka, 1992. P. 31–46. (In Russ.).

Maksimenkov G.D. Materialy po ranneye istorii tagarskoy kul'tury. St. Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye, 2003. 192 p. (In Russ.).

Martynov A.I. Lesostepnaya tagarskaya kul'tura. Novosibirsk: Nauka, 1979. 208 p. (In Russ.).

Podolskiy M.L. Mestnyye i inorodnyye elementy ranneye tagarskoy kul'tury. In *Skifo-sibirskoye kul'turno-istoricheskoye yedinstvo*. Kemerovo: Kemerovo State Univ. Press, 1980. P. 126–134. (In Russ.).

Savinov D.G. Pamyatniki tagarskoy kul'tury Mogil'noy stepi (po rezul'tatam arkheologicheskikh issledovaniy 1986–1989 gg). St. Petersburg: ElekSis, 2012. 180 p. (In Russ.).

Vadetskaya E.B. Arkheologicheskiye pamyatniki v stepyakh Srednego Yeniseya. Leningrad: Nauka, 1986. 180 p. (In Russ.).

Zavitukhina M.P. Podgornovskiy etap. In *Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov u gory Tepsey na Yeniseye*. Novosibirsk: Nauka, 1979. P. 40–53. (In Russ.).

Богданов Е.С. <https://orcid.org/0000-0001-7073-8914>

Пайзерова А.А. <https://orcid.org/0009-0002-7574-1682>

Соколовский В.А. <https://orcid.org/0000-0002-2881-8133>

Дата сдачи рукописи: 24.10.2025 г.